

Роланд Тимербаев¹

ПЕРВЫЕ СДВИГИ
В НАПРАВЛЕНИИ ОГРАНИЧЕНИЯ ВООРУЖЕНИЙ.
О РАБОТЕ ЛОНДОНСКОГО ПОДКОМИТЕТА КОМИССИИ ООН
ПО РАЗОРУЖЕНИЮ (1954–1957 ГГ.)

Начальная попытка предотвратить развертывание гонки атомных вооружений, предпринятая в рамках Комиссии ООН по атомной энергии в 1946–1949 гг., как известно, успехом не увенчалась. Возглавляемая Гарри Трумэном администрация США, выдвигая так называемый *план Баруха*, стремилась на деле сохранить за собой атомную монополию. СССР приступил к ускоренной реализации своего атомного проекта. За ним по этому пути последовала Великобритания. Комиссия ООН оказалась в тупике и была распущена.

СССР быстро овладел *секретом атомной бомбы*, как тогда было принято говорить, в 1949 г. провел первое атомное испытание, а в 1953 г. взорвал и водородное устройство. Таким образом, СССР практически догнал США по части научно-технического обеспечения производства ядерного и термоядерного оружия, но еще отставал в количественном отношении. Происходившее *выравнивание* ядерных потенциалов создавало объективные предпосылки для начала равноправного диалога с США по атомной и вообще разоруженческой проблематике.

Этому способствовали и политические перемены в обеих странах: смерть Сталина и приход на смену ему нового руководства, а также избрание на пост президента США Дуайта Эйзенхауэра, человека военного, хорошо знающего, к каким последствиям приводит применение оружия, особенно оружия массового уничтожения.

К началу переговоров объективно подталкивало и то обстоятельство, что и в США, и в СССР развертывались работы по созданию новых, более эффективных, а потому и более опасных средств доставки ядерного оружия, чем авиация, – межконтинентальных баллистических ракет и атомных подводных лодок с баллистическими ракетами. В этой области современных вооружений стороны стремились не отставать друг от друга.

Учрежденная в январе 1952 г. Генеральной Ассамблеей ООН взамен Комиссии по атомной энергии и Комиссии по вооружениям обычного типа новая Комиссия ООН по разоружению практически бездействовала. Требовался более удобный формат для переговоров. В этих целях для исполнения резолюции Генассамблеи от 28 ноября 1953 г.² Комиссия по разоружению в апреле 1954 г. учредила подкомитет в составе СССР, США, Великобритании, Франции и Канады.

Идея создания подкомитета принадлежала представителю Франции, Жюлю Моку, в прошлом крупному политическому деятелю, занимавшему посты министра внутренних дел и министра обороны. Франция тогда еще не имела атомного оружия и, хотя и была членом НАТО, все же стремилась занимать сравнительно гибкую позицию в Комиссии и в ее подкомитете. В 1956 г. Жюль Мок был приглашен советским правительством посетить СССР. Он совершил большую поездку по нашей стране, в которой мне довелось сопро-

Ы
Н
Ц
И
Н
И
Р
О
Н
О
Т
А
Т
С
Н
С

вождать его. По завершении поездки он написал книгу, где дал благожелательную оценку тому, что увидел в нашей стране³.

Важным обстоятельством, определявшим подходы сторон к переговорам, было то, что и у СССР, и у западных государств со времени окончания Второй мировой войны оставались многочисленные вооруженные силы. Было очевидно, что атомную проблему необходимо рассматривать в увязке с сокращением вооружений обычного типа. Именно так Генассамблея ООН сформулировала задачу, поставленную перед Комиссией по разоружению и ее подкомитетом.

В упомянутой резолюции ГА ООН от ноября 1953 г. и – более конкретно – в последующей резолюции от ноября 1954 г. Комиссии вместе с подкомитетом предлагалось разработать проект международной конвенции о разоружении, предусматривающей:

- значительное сокращение вооруженных сил и вооружений обычного типа;
- полное запрещение применения и изготовления ядерного оружия;
- учреждение эффективного международного контроля через контрольный орган, чтобы гарантировать соблюдение согласованного сокращения вооружений и запрещения ядерного оружия⁴.

РАБОТА ПОДКОМИТЕТА В 1954 Г.

Первая сессия подкомитета состоялась в Лондоне с 13 мая по 23 июня 1954 г. Его заседания проходили *при закрытых дверях*. Советскую делегацию возглавлял посол в Великобритании Я.А. Малик, американскую – М. Паттерсон, британскую – государственный министр С. Ллойд, французскую – Ж. Мок и канадскую – министр иностранных дел Л. Пирсон, а после его отъезда из Лондона – верховный комиссар в Великобритании Н. Робертсон.

В центре внимания сессии подкомитета была проблема запрета атомного оружия, на чем настаивал СССР. США, как и в *плане Баруха*, вели дело к тому, чтобы запрещение и уничтожение атомного оружия происходило только на самом последнем этапе – после установления международного контроля.

Однако ситуация в атомной области была уже иной, чем во время работы Комиссии ООН по атомной энергии в 1940-х гг. За это время появилось водородное оружие. В ноябре 1952 г. американцы взорвали на о. Эниветок в Тихом океане водородное устройство *Майк* мощностью более 10 Мт. СССР в августе 1953 г. испытал свое первое, но еще неполноценное водородное устройство мощностью 400 кт (так называемую *сахаровскую слойку*). Настоящая водородная бомба мощностью 1,6 Мт была испытана СССР немного позднее, в ноябре 1955 г. Как справедливо отметил американский исследователь Бернард Бечхофер, участвовавший в работе Лондонского подкомитета в составе делегации США, появление водородной бомбы «заставляло переоценивать все предыдущие позиции по контролю над вооружениями» в связи с тем, что «термоядерная революция разрушила остающиеся технологические посылки, лежавшие в основе *предложений Баруха*»⁵.

Следует считать вполне закономерным, что на сессии подкомитета и французский, и британский представители по существу признали, что *план Баруха* можно с полным основанием сдать в *лавку древностей* и что нужна другая основа для решения атомной проблемы. Жюль Мок прямо заявил: «*План Баруха* не существует»⁶.

Наиболее существенным событием первой сессии подкомитета было внесение британской и французской делегациями на заключительном этапе, 11 июня 1954 г., совместно меморандума по разоружению.

В самом начале меморандума говорилось, что в соответствии с положениями Устава ООН представленные в подкомитете государства считают для себя запрещенным применение ядерного оружия, за исключением применения его в целях самообороны против агрессии. Тут ничего нового не содержалось. А вот далее предполагалось, что-

бы впредь до запрещения и изъятия ядерного оружия, как это в меморандуме далее предусматривалось, Великобритания и Франция рекомендуют включение в договор о разоружении немедленного признания этого запрещения всеми подписавшими договор государствами.

В меморандуме в то же время предлагалось, чтобы осуществление мероприятий по разоружению проводилось в течение определенного срока после того, как контрольный орган будет учрежден и размещен, и как только он заявит, что может эффективно обеспечить обязательное осуществление данных мероприятий.

Меры по разоружению будут проходить поэтапно. Вначале – замораживание численности личного состава вооруженных сил и общей суммы военных расходов на уровне 31 декабря 1953 г. Далее – сокращение вооружений и вооруженных сил в размере 50% согласованных норм⁷ и после этого – прекращение производства всех видов ядерного оружия.

И, наконец, сокращение вооружений обычного типа в размере остальных 50% согласованных норм, после этого – проведение в жизнь полного запрещения и полного изъятия ядерного оружия и обращение наличных запасов ядерных материалов на мирные цели⁸.

Делегация США не была соавтором франко-британского меморандума, но, как свидетельствует член этой делегации, «Соединенные Штаты принимали участие в составлении документа на всех стадиях, и он полностью соответствовал политике США»⁹. Можно предположить, что американцы не пошли на соавторство, чтобы создать впечатление о компромиссном характере меморандума и тем самым способствовать началу переговоров.

Советский представитель Я.А. Малик был заранее проинформирован Селвином Ллойдом и Жюлем Моком о предстоящем внесении меморандума. Однако на заседании подкомитета он, заявив, что у советской делегации не было достаточно времени на изучение документа, все же обрушился на него с критикой в духе своих прежних заявлений. Вскоре сессия подкомитета завершилась.

Как на меморандум реагировала Москва? В советских публикациях того времени наибольшие возражения вызывало то, что меморандум по-прежнему исходил из позиции западных держав: сначала – контроль, а потом – разоружение. И все же указывалось, что «при всех недостатках англо-французских предложений они намечали известное сближение позиций западных держав и Советского Союза в вопросах разоружения»¹⁰. В тот период руководство страны активно продвигало принципы мирного сосуществования, и это, несомненно, оказывало положительное воздействие на нашу политическую линию и дипломатическую тактику при рассмотрении проблемы разоружения.

Во внутренних документах МИД СССР отмечалось, что предложения Франции и Великобритании «отличаются от прежних предложений западных держав по этому вопросу главным образом тем, что в новые предложения включено положение о прекращении производства всех видов ядерного оружия и всех остальных запрещенных видов оружия по осуществлении сокращения вооружений и вооруженных сил в размере первых 50% согласованных норм». Также представленный меморандум отличался тем, что в него было «включено положение о проведении в жизнь полного запрещения и полного изъятия ядерного оружия и всех других видов запрещенного оружия по осуществлении сокращения вооружений обычного типа и вооруженных сил в размере остальных 50% согласованных норм»¹¹.

Официальная позиция СССР по поводу франко-британского меморандума была озвучена на сессии Генассамблеи ООН осенью 1954 г. 30 сентября 1954 г. делегация СССР внесла на рассмотрение ООН проект резолюции о заключении международной конвенции о сокращении вооружений и запрещении атомного, водородного и других видов оружия массового уничтожения, в котором предлагалось положить в основу предложения Франции и Англии от 11 июня 1954 г.

Конкретно предлагалось следующее.

Одновременно проводить сокращение в течение шести месяцев или года вооружений и ассигнований на военные нужды в размере 50% согласованных норм. Создать при Совете Безопасности ООН *временную* международную контрольную комиссию для получения от государств сведений о сокращениях и для принятия мер по наблюдению за выполнением государствами взятых на себя обязательств.

По завершении указанных мероприятий государства сокращают свои вооружения и военные расходы на остальные 50%, осуществляется полное запрещение атомного и водородного оружия с прекращением его производства и изъятием из вооружений, учреждается постоянный международный орган, который будет иметь полномочия проводить инспекции на постоянной основе¹².

Из текста проекта резолюции с очевидностью следует, что СССР по ряду важных вопросов учел позицию западных держав. Нельзя не видеть, что имелось много общего между предложениями англо-французского меморандума от 11 июня 1954 г. и новыми советскими предложениями. Неслучайно французская газета *Le Monde* писала: «В кругах ООН признают, что в направлении разрешения проблемы разоружения сделан самый большой шаг, который когда-либо делался на протяжении нескольких лет»¹³.

Американский исследователь Бернард Бечхофер сделал такой вывод из состоявшейся на сессии ООН дискуссии: «Главное значение нового советского подхода состояло в том, что он открывал огромные возможности для будущих конкретных переговоров»¹⁴.

Как отмечалось в аналитических документах МИД, основное возражение у США и некоторых других западных стран вызывало советское предложение относительно двух форм контроля: временной контрольной комиссии, учреждаемой на первой стадии, и постоянного международного контрольного органа, который вводится в действие на второй стадии. С точки зрения СССР, *камнем преткновения* была линия США и Великобритании на то, чтобы принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности ООН не использовался при применении санкций в отношении возможных нарушителей и чтобы таким правом был наделен контрольный орган¹⁵.

В итоге дискуссии на Генассамблее по предложению всех членов подкомитета – СССР, США, Великобритании, Франции и Канады – была единодушно принята резолюция с поручением Комиссии по разоружению и ее подкомитету предпринять новые попытки достичь соглашения, принимая во внимание имеющиеся предложения, включая советский проект резолюции¹⁶.

В связи с наступающим новым этапом переговоров в американской администрации было решено укрепить разоруженческую команду и свое представительство в подкомитете. В конце 1954 г. М. Паттерсон, который не имел достаточного влияния в Вашингтоне и, как утверждают, не был вхож не только в Белый дом, но даже к госсекретарю¹⁷, подал в отставку. На основной разоруженческий пост в администрации США в марте 1955 г. был назначен крупный политический деятель республиканской партии Г. Стассен, получивший должность специального помощника президента по разоружению и члена кабинета. Представителем в подкомитете Г. Стассен стал весной 1957 г. До этого представителем был посол Г. Лодж, а его заместителем – посол Дж. Уодсворт¹⁸.

Советским представителем в подкомитете оставался посол Я.А. Малик. В МИД СССР в тот период было решено создать в рамках Отдела международных организаций (ОМО), возглавляемого С.К. Царапкиным, небольшую группу по разоружению, в состав которой вошли опытные дипломаты П.Ф. Шахов и И.Г. Усачев (позднее ставший советником представительства РФ при ООН), а также молодой сотрудник – автор этих строк¹⁹. Разоруженческие дела курировал заместитель заведующего отделом А.А. Рошин, который в 1956 г. был назначен советником-посланником в Лондоне. В 1955 г. в ОМО пришел К.В. Новиков, ставший в 1964 г. заведующим этим отделом и посвятивший делу разоружения много лет своей жизни.

А.А. Громыко, первый заместитель министра иностранных дел, а с февраля 1957 г. – министр, прекрасно знавший разоруженческую проблематику, внимательно следил за работой подкомитета и направлял деятельность нашей делегации. В начале 1955 г. в те-

чение некоторого времени (февраль-март) А.А. Громыко возглавлял нашу делегацию в подкомитете. Значительную роль в проведении политики государства по разоружению играл заместитель министра В.А. Зорин, в 1957 г. возглавлявший советскую делегацию в Лондонском подкомитете.

В Министерстве обороны вопросами разоружения занимался помощник начальника Генерального штаба генерал-полковник А.А. Грызлов, которому помогали генералы и офицеры Главного оперативного управления. Специальное подразделение по вопросам ограничения вооружений (Договорно-правовое управление) было создано в МО позднее. В Министерстве среднего машиностроения (*атомном министерстве*) этими делами занимались непосредственно либо сам министр (В.А. Малышев, А.П. Завенягин, Е.П. Славский), либо один из его заместителей (чаще всего В.С. Емельянов).

ПОДКОМИТЕТ В 1955 Г.

В 1955 г. подкомитет Комиссии по разоружению заседал в Лондоне с 25 февраля по 18 мая и в Нью-Йорке с 29 августа по 7 ноября. Вопросы разоружения обсуждались также в Женеве на *встречах в верхах* в конце июля и министров иностранных дел с 27 октября по 16 ноября.

29 марта 1955 г. Великобритания и Франция внесли меморандум о сокращении вооруженных сил, который предусматривал установление для вооруженных сил СССР, США и Китая *потолки вооруженных сил* в пределах от 1 до 1,5 млн чел., а для Великобритании и Франции – по 650 тыс. чел. Численность вооруженных сил других государств была бы, во всех случаях, значительно ниже уровней, определенных для пяти постоянных членов СБ ООН²⁰. В другом предложении западных участников подкомитета говорилось о целесообразности установления предельных сроков для осуществления этих мероприятий²¹.

Крупнейшим событием сессии подкомитета явилось внесение делегацией СССР 10 мая 1955 г. предложения о заключении международной конвенции относительно сокращения вооружений и запрещении атомного оружия. Проект предусматривал следующие положения, осуществляемые в два этапа:

В течение 1956 г. устанавливается согласованный уровень сокращения вооруженных сил США, СССР и Китая в пределах от 1 млн до 1,5 млн чел, а Великобритании и Франции – по 650 тыс. чел. и проводится их сокращение на 50%, а также соответственно сокращаются вооружения обычного типа и ассигнования на эти цели. Численность вооруженных сил других государств, устанавливаемая конференцией по разоружению, будет значительно ниже уровней пяти постоянных членов СБ ООН.

Одновременно с началом сокращений на первые 50% принимается обязательство не применять ядерное оружие, которое считается запрещенным. Исключение может быть допущено в целях обороны против агрессии по решению СБ ООН. Ликвидируются военные базы на территориях других государств, при этом будет согласовано дополнительно, какие базы будут подлежать ликвидации в течение первого периода.

В течение 1957 г. немедленно прекращается производство атомного и водородного оружия. США, СССР, Китай, Великобритания и Франция сокращают свои вооруженные силы на остальные 50% до установленных уровней. Завершается ликвидация всех военных баз на иностранных территориях. После того как сокращение будет осуществлено на 75%, вступит в силу полное запрещение применения атомного и водородного оружия. Изъятие этого оружия из вооружений, его уничтожение и затем сокращение вооруженных сил и вооружений обычного типа начнутся одновременно и завершатся в 1957 г.

Новыми советскими предложениями предусматривалось учреждение международного контрольного органа.

В течение первого периода (1956 г.) устанавливаются контрольные посты в крупных портах, на железнодорожных узлах, автомагистралях, аэродромах. Международный кон-

Ы
Ц
И
Н
О
Т
А
Р
С
К
И
Н

трольный орган будет иметь право истребовать от государств сведения о мероприятиях по сокращению вооружений и вооруженных сил, а также иметь беспрепятственный доступ к материалам, касающимся бюджетных ассигнований.

В течение второго периода (1957 г.) международный контрольный орган будет осуществлять контроль, в том числе инспекцию на постоянной основе в объеме, необходимом для обеспечения выполнения конвенции. Инспекторы будут иметь беспрепятственный доступ ко всем объектам контроля. Контрольный орган делает рекомендации Совету Безопасности относительно нарушителей конвенции²².

Советский проект шел навстречу западным странам по многим позициям. Предложение об уровнях вооруженных сил и вооружений лишало какого-либо основания ссылаться на то, что превосходство СССР в этой области не позволяет ему отказаться от ядерного оружия в целях поддержания *равновесия сил*. Допускалась возможность применения ядерного оружия в целях обороны против агрессии по решению СБ ООН. Меры по прекращению производства ядерного оружия и его уничтожению должны были проводиться в течение второго периода и в два этапа. Большая уступка была сделана по контролю: уже в течение первого периода учреждается международный контрольный орган, функции которого в дальнейшем радикально расширяются.

Новые советские предложения открывали путь к серьезным переговорам и возможным согласованным решениям. Представители Франции (Ж. Мок), Великобритании (А. Наттинг) и Канады (Д. Джонсон) дали положительную оценку советскому проекту. Ж. Мок прямо заявил, что «практически все наши предложения приняты»²³. Американский представитель Дж. Уодсворт ограничился заявлением, что он, в общем, поддерживает сказанное его тремя западными коллегами²⁴.

Советник американской делегации Мейерс в беседе с советником советской делегации И.Г. Усачевым 19 мая сказал, что его делегация была «буквально поражена исключительно глубокой разработкой этого документа». Но при этом делегация США считает, что выводы советского документа по контролю «являются недостаточными, не ведущими к созданию эффективного международного контроля». По словам Мейерса, после того как текст советских предложений от 10 мая был сообщен госсекретарю Дж. Ф. Даллесу, американская делегация получила указание избегать всего, что могло бы создать впечатление, что США отклоняют предложения СССР.

Вскоре в подкомитете был объявлен перерыв в связи с приближающейся встречей глав правительств СССР, США, Великобритании и Франции, которая состоялась в Женеве 18–23 июля 1955 г.

В связи с подготовкой к *встрече в верхах* МИД докладывал руководству страны следующее. «Итоги рассмотрения вопросов сокращения вооружений и запрещения атомного оружия свидетельствуют о том, что достигнуто известное сближение позиций СССР и западных держав по ряду аспектов, связанных с проблемой разоружения, в частности по такому важному вопросу, как вопрос об уровнях вооруженных сил пяти великих держав. Вместе с тем, продолжают оставаться значительные расхождения по некоторым весьма важным вопросам. Это в первую очередь относится к вопросам о правах и полномочиях контрольного органа, о времени введения в действие контроля, о ликвидации иностранных военных баз на чужих территориях и о сроках осуществления мероприятий по сокращению вооружений и запрещению атомного оружия»²⁵.

В МИДе обратили внимание на статью в авторитетной американской газете *Christian Science Monitor*. В газете утверждалось, что США, готовясь к предстоящему саммиту в Женеве, «изыскивают пути пересмотра своей позиции в вопросе о разоружении и ядерной энергии», так как «впервые после 1946 г. соглашение с СССР о сокращении вооружений – в качестве широкого политического урегулирования – в настоящее время кажется определенно возможным»²⁶. Вместе с тем, газета высказала сомнение в том, что США готовы пойти на положительное решение этого вопроса. «Предположим, что в один прекрасный день СССР примет остальные предложения США по вопросу о разоружении. Это означало бы отказ от всего американского атомного оружия. Действительно ли США готовы пойти на такое урегулирование? Тот же самый вопрос можно поставить более

прямо. Отвечает ли контроль над ядерной энергией национальным интересам США? В Пентагоне есть люди, которые относятся к разоружению со смешанным чувством скептицизма и тревоги, так же как в госдепартаменте и в ведомстве Гарольда Стассена есть люди, которые отдают все свои силы этому делу»²⁷.

СССР при рассмотрении вопроса о разоружении на Женевском совещании исходил из предложений от 10 мая. Президент США выступил с планом проведения взаимных аэрофотосъемок территорий обоих государств – так называемым *планом открытого неба*, который предусматривал неограниченное воздушное наблюдение по всей территории СССР и США с целью предупреждения подготовки внезапного нападения или мобилизации. При этом, однако, вне аэрофотосъемок оставались бы американские военные базы на иностранных территориях. Естественно, что СССР американский план не поддержал, противопоставив ему свое предложение, выдвинутое 10 мая, о размещении наземных контрольных постов на ключевых транспортных артериях.

Великобритания выдвинула в Женеве идею создания зоны инспекции вооруженных сил в Центральной Европе, а Франция – предложение о сокращении военных бюджетов и о создании за счет высвобождающихся средств фонда помощи развивающимся странам (так называемый *план Фора*, французского премьер-министра).

Хотя на Женевском совещании глав правительств конкретных результатов по проблеме разоружения достигнуто не было, сама по себе эта встреча содействовала некоторому ослаблению международной напряженности, что, как тогда казалось, создавало благоприятные предпосылки для продолжения работы подкомитета по разоружению.

Сессия подкомитета, состоявшаяся с 29 августа по 7 ноября на этот раз в Нью-Йорке, оказалась, к сожалению, бесплодной. Советский представитель А.А. Соболев (тогдашний постоянный представитель при ООН) предложил, прежде всего, зафиксировать договоренность по тем вопросам, в рамках которых позиции сторон либо полностью совпадают, либо весьма близки. Это позволило бы «выделить те области, в которых мы должны приложить новые усилия с целью сближения наших позиций»²⁸. Однако впервые выступивший в подкомитете Гарольд Стассен заявил, что Соединенные Штаты резервируют все свои позиции и предложения, выдвинутые ранее²⁹.

Оглядываясь назад, можно предположить, что, судя по всему, в американской администрации происходили дебаты относительно того, куда идти дальше. Вести ли дело к принятию согласованных решений по широким или хотя бы частичным мерам разоружения, либо свертывать серьезный диалог, начавшийся в 1954–1955 гг.

В создавшейся обстановке Советское правительство в лице его председателя Н.А. Булганина 19 сентября обратилось к президенту Дуайту Эйзенхауэру с посланием. В этом послании содержался призыв к достижению соглашения по поддающимся договоренности вопросам (об уровнях вооруженных сил, о сроках введения в действие запрещения ядерного оружия, об установлении контрольных постов)³⁰. Последовавшая затем переписка не привела к каким-либо результатам.

Состоявшееся в Женеве в конце октября – начале ноября совещание министров иностранных дел четырех держав также не продвинуло дело вперед. Если советская сторона предлагала продолжить рассмотрение, прежде всего, тех положений, которые содержатся в предложениях СССР от 10 мая, а также в предложениях западных стран об аэрофотосъемках и по некоторым другим вопросам разоружения, то последние фокусировали внимание только на аспектах контроля. При этом, если Советский Союз выражал готовность договариваться как по общей, так и более узкой программе разоружения, то Запад не имел «последовательной позиции», как признавали и американские исследователи³¹.

ПОДКОМИТЕТ В 1956 Г.

Лондонский подкомитет заседал с 19 марта по 4 мая. 27 марта советская делегация предложила в целях выхода из тупика сначала достичь соглашения о сокращении в те-

чение 1956–1958 гг. вооружений и вооруженных сил до тех потолков, которые обсуждались ранее, с установлением необходимого международного контроля, не обуславливая это соглашением о запрещении атомного оружия.

В том, что касается контроля, в советском предложении предусматривалось, что «на определенной стадии осуществления всеобъемлющей программы разоружения, при укреплении доверия между государствами, заинтересованные страны рассмотрят вопрос относительно возможного использования аэрофотосъемок в качестве одного из методов контроля». При этом предусматривалось, что международный контрольный орган «размещает своих инспекторов заблаговременно с тем, чтобы они могли приступить к выполнению своих функций в тот момент, когда государства начнут осуществление предусмотренных соглашением мероприятий». Это был существенный шаг навстречу США и другим западным державам, что вызвало положительную реакцию со стороны Жюлья Мока и Гарольда Стассена.

Кроме того, в советском предложении признавалось целесообразным, чтобы государства, независимо от достижения соглашения о разоружении, договорились о частичных мерах в этой области, в частности о прекращении испытаний термоядерного оружия, о выводе атомного оружия с территории Германии и о сокращении военных бюджетов до 15%³².

Предложение о сокращении вооруженных сил СССР было подкреплено и практически делами. 14 мая было объявлено о сокращении численности вооруженных сил на 1 млн 200 тыс. чел. сверх проведенного в 1955 г. сокращения на 640 тыс. чел. и о соответствующем сокращении вооружений и боевой техники, а также военных расходов³³.

Тот факт, что Советский Союз на этой сессии подкомитета сконцентрировал внимание на сокращении обычных вооружений, отнюдь не означал какого-то *забвения* проблемы запрета ядерного оружия (ЯО). Москва стремилась искать новые дипломатические подходы ко всему комплексу вопросов разоружения. Тем не менее, в связи с новой советской инициативой в подкомитете, нельзя не отметить, что к этому времени в СССР было проведено уже более 25 атомных и водородных взрывов, и в том числе первый взрыв в ракетном пуске³⁴. Да и по количеству ЯО мы стали неуклонно догонять американцев.

По оценкам американских независимых экспертов Роберта Норриса из Совета защиты природных ресурсов и Ханса Кристенсена из Федерации американских ученых, в 1950 г. США имели 369 ед. ЯО, а СССР – только 5, но к 1956 г. соотношение радикально изменилось: США располагали 4618 ед., а СССР – уже 426 ед. В дальнейшем же – в 1970-х гг., по оценкам этих экспертов, Советский Союз существенно обогнал США по размеру своего ядерного арсенала³⁵.

В подкомитете западные державы, однако, продолжали тянуть время. Более того, американская делегация внесла новые предложения³⁶ – сократить на первом этапе вооруженные силы до уровня 2,5 млн чел., а Великобритании и Франции – до 750 тыс. чел., отказавшись тем самым от своих прежних предложений, предусматривавших существенно более низкие уровни. Нужно сказать, что даже американская пресса признавала, что «предложение Соединенных Штатов не рассматривается как серьезный шаг в области сокращения обычных вооружений»³⁷.

В секретариате ООН так оценивались итоги переговоров:

«Текущий (1956) год примечателен в области разоружения тремя главными событиями:

- Новым и усиливающимся упором на ограниченном или частичном разоружении вместо всеохватывающего разоружения.
- Более выпуклой тенденцией в военном планировании к сдвигу от опоры на живую силу к опоре на ядерные и другие новые виды вооружения и на средства их доставки. Имел место больший упор на предложения о разоружении в области обычных вооружений либо путем односторонних действий, либо посредством соглашения об ограниченных первых шагах.

- Большим пониманием опасности радиации и признанием необходимости принятия мероприятий международного характера для решения вопроса об испытательных взрывах»³⁸.

Общий вывод секретариата ООН был таков:

«...Перспектива соглашения, даже в отношении ныне обсуждаемых ограниченных сокращений для первой стадии, – не блестящая. В настоящее время существуют, разумеется, дополнительные трудности для принятия политической инициативы в США в предвыборный период. Положение в отношении Суэцкого канала не улучшает условий для разоружения» (док. PSCA/DAG/33, August 23, 1956)³⁹.

Дискуссии по разоружению, состоявшиеся в 1956 г. в Лондонском подкомитете, а вслед за этим в Комиссии по разоружению и на Генассамблее ООН, оказались, как и раньше, бесплодными, но они все же подготовили почву для серьезного диалога в 1957 г.

ПОДКОМИТЕТ В 1957 Г.

Сессия подкомитета в 1957 г. была самой длительной – с марта по конец августа. Советскую делегацию возглавлял В.А. Зорин, американскую – Гарольд Стассен. Вначале были продолжены обсуждения предложений сторон по широким мерам разоружения, однако довольно быстро стало очевидным, что тупиковая ситуация сохраняется. Общая обстановка на переговорах была еще вполне благоприятной. Дискуссии приобрели более структурированный характер. Часто стали практиковаться неформальные встречи – как между советской и другими западными делегациями⁴⁰, так и внутри западной четверки. Как нам было известно, это объяснялось осложнившимися отношениями, возникшими в результате Суэцкого кризиса октября 1956 г.

В подобных условиях СССР предпринял новый шаг. 30 апреля на рассмотрение подкомитета была внесена памятная записка о проведении частичных мероприятий в области разоружения. В памятной записке предлагался минимальный объем мер по разоружению, осуществление которых было реально возможным. Новизна и своеобразие советских предложений состояли в том, что основное внимание фокусировалось на первоначальных шагах, но одновременно были выстроены четкие ориентиры для последующих более широких мер, вплоть до радикальных сокращений вооружений и полного уничтожения ядерного оружия.

В предложениях предусматривалось сокращение вооруженных сил до 2,5 млн чел. для США, СССР и Китая и до 750 тыс. чел. для Великобритании и Франции в качестве первого шага к дальнейшему сокращению вооруженных сил, которое в итоге для США, СССР и Китая должно было составить уровень 1–1,5 млн чел. и для Великобритании и Франции – до 650 тыс. чел.

В начале первого периода предлагалось также принять обязательство об отказе от применения атомного и водородного оружия. При этом участники соглашения обязались бы приложить все усилия к достижению соглашения о полном запрещении атомного и водородного оружия с изъятием его из вооружений государств, прекращением производства и уничтожением запасов этого оружия.

Наконец, подчеркивалась целесообразность выделения из общей проблемы ядерного оружия вопроса о прекращении испытаний этого оружия и его безотлагательного решения. Еще до внесения предложений от 30 апреля В.А. Зорин в беседе с Гарольдом Стассеном 21 марта сказал, что вопрос о прекращении испытаний нужно решать в качестве самостоятельного соглашения. Это, сказал он, «затормозит развитие атомного оружия и в тех, и в других государствах». Решение «зависит сейчас от США, СССР и Англии. Если три державы договорятся между собой, то огромное большинство членов ООН поддержат это решение трех государств»⁴¹.

Что касается контроля, в советском документе предлагалось в первый период установить на взаимных началах контрольные посты в крупных портах, на железнодорожных узлах, автомагистралях в западных приграничных районах СССР, на территории Фран-

ции, Великобритании и др. стран НАТО и Варшавского договора, а также в восточной части США. Установление контрольных постов на аэродромах планировалось осуществить в течение второго периода, при этом потребовалось бы согласование с мероприятиями по окончательному запрещению водородного оружия с его изъятием из вооружений государств. Вопрос о применении аэрофотосъемок предлагалось решить на такой основе: осуществлять их в определенном районе Европы на восток и запад от демаркационной линии в Германии и на Дальнем Востоке в определенных районах Аляски и Восточной Сибири⁴².

Для западных держав новые советские предложения оказались непростым *орешком*. Президент Дуайт Эйзенхауэр заявил на пресс-конференции, что план разоружения, внесенный Советским Союзом, «требуется тщательного изучения», а министр обороны Чарльз Эрвин Вильсон признал, что русское предложение создало обстановку, «способствующую установлению мира во всем мире»⁴³.

В подкомитете начались длительные неофициальные переговоры между делегациями, главным образом между советской и американской. 31 мая Гарольд Стассен вручил В.А. Зорину в неофициальном порядке меморандум о заключении частичного соглашения относительно обеспеченного гарантиями первого шага в области разоружения. Американский меморандум не мог удовлетворить по ряду своих положений советский план от 30 апреля. «В нем предлагался уровень вооруженных сил для обеих держав на втором этапе не в 1–1,5 млн чел., а в 1,7 млн чел. Что касается запрета ядерного оружия, то прямо говорилось, что США считают неприемлемым советское предложение о полном запрещении использования этого оружия». Не была согласна делегация США и с предложением о прекращении испытаний ядерного оружия, выразив готовность пойти только на временную приостановку их сроком на 10 месяцев. Тем не менее, внесение Гарольдом Стассеном неофициального меморандума было воспринято как готовность делегации США продолжить серьезный диалог по разоружению.

По оценке В.А. Зорина, «выработка этих предложений проходила в обстановке серьезных разногласий и острой борьбы среди группировок в правительственных кругах США. По признанию членов американской делегации, – писал он, – намерение Дуайта Эйзенхауэра и Гарольда Стассена искать пути сближения с позицией Советского Союза встретило сопротивление со стороны Пентагона и госдепартамента. Решительными противниками любых, даже самых незначительных, шагов навстречу Советскому Союзу были руководитель Объединенного комитета начальников штабов Артур Рэдфорд, вице-президент Ричард Никсон, председатель Комиссии США по атомной энергии Льюис Штраус и некоторые другие».

В интересах развития переговоров советская делегация 7 июня передала делегации США в неофициальном порядке памятную записку Советского правительства по вопросу о разоружении. В ней была предпринята попытка пойти навстречу американцам, но, разумеется, не в ущерб интересам нашей национальной безопасности.

Так, было предложено договориться о сокращении вооруженных сил СССР и США в три этапа: вначале до уровня 2,5 млн чел., затем до 2,1 млн чел. и на третьем этапе до цифры, названной делегацией США, – 1,7 млн чел. В вопросе о запрещении ядерного оружия было подтверждено предложение о необходимости полного запрета. В отношении ядерных испытаний также была подтверждена наша принципиальная позиция в пользу их полного прекращения. При этом была выражена готовность положительно отнестись к американскому предложению о международном контроле за выполнением этого обязательства. Немного позднее – 14 июня – было дано согласие и на временное прекращение испытаний, но не на 10 мес., а на 2–3 года⁴⁴. В том, что касалось аэрофотосъемок, в памятной записке предлагалось искать решение «не в отказе и сужении воздушного контроля, а в его расширении»⁴⁵.

Тут произошла заминка. 12 июня В.А. Зорин получает письмо от исполняющего обязанности главы делегации США Ч. Оусли. В этом письме сообщалось, что американский «неофициальный документ от 31 мая, на который Вы ссылаетесь в Вашем меморанду-

ме от 7 июня, не существует с точки зрения переписки между правительствами. По этой причине делегация Соединенных Штатов просит вернуть ее меморандум»⁴⁶.

Этот беспрецедентный шаг со стороны делегации США вызвал у нас небывалое удивление. Никто из нас в делегации ни до, ни после с подобным явлением не сталкивался. 16 июня В.А. Зорин направил Гарольду Стассену письмо, в котором было выражено «недоумение по поводу такого необычного с точки зрения практики международных переговоров шага, ведущего к затяжке переговоров по разоружению. Советская делегация не может согласиться с таким методом переговоров, поскольку он затрудняет и тормозит достижение соглашения по важнейшей проблеме разоружения»⁴⁷.

Неофициальные консультации между обеими делегациями были прерваны. Нам стало известно, что это было сделано по указанию госсекретаря Дж. Ф. Даллеса. Что послужило подоплекой происшедшего, никто из наших американских коллег объяснить нам не мог или не хотел. Правда, в американскую печать проникли сведения о том, что между Гарольдом Стассеном и руководством госдепартамента возникли расхождения по поводу ведения переговоров и возможности достижения взаимоприемлемого соглашения с русскими относительно тех или иных мер по разоружению.

Показательно, что уже упоминавшийся выше американский участник переговоров Бернард Бечхофер в своем подробном описании хода работы Лондонского подкомитета ни словом не упоминает о произошедшем скандальном инциденте с отзывом назад американского неофициального документа от 31 мая. Он лишь ссылается на биографию Дж. Ф. Даллеса Дж. Била, который в своей биографии госсекретаря США, изданной в 1959 г.⁴⁸, писал, что Гарольд Стассен «совершил тактическую ошибку», издав В.А. Зорину документ, «не согласованный с союзниками». Дж. Бил вместе с тем отмечает, что Гарольд Стассен «ни на толщину волоса не отошел от утвержденной позиции правительства». И, тем не менее, Гарольд Стассен был «вызван в Вашингтон и получил там нагоняй»⁴⁹.

Госсекретарь Дж. Ф. Даллес поспешил в Лондон, где в начале августа вместе с другими западными делегациями внес на рассмотрение подкомитета документ, целиком посвященный только воздушной и наземной инспекции всей территории СССР, США и Европы в целях «предупреждения возможности внезапного нападения». Каких-либо мер разоружения в этом документе не предлагалось⁵⁰.

В сущности, это означало, что серьезные переговоры по разоружению подошли к концу. Дальнейшая работа подкомитета вплоть до завершения его сессии в конце августа прошла в обстановке продолжения обмена документами, которые в общем и целом повторяли то, что уже предлагалось сторонами ранее.

27 августа делегация СССР огласила в подкомитете заявление советского правительства. В этом заявлении были вновь четко изложены советские предложения по сокращению вооруженных сил и вооружений, о запрещении и уничтожении ядерного оружия, о полном (либо на срок 2-3 года) прекращении ядерных испытаний в качестве отдельной самостоятельной меры, и о международном контроле, включая проведение аэрофото-съемок в определенных согласованных районах. При этом была особо подчеркнута необходимость *уязки* предлагаемого США прекращения производства расщепляющихся материалов на военные цели с изъятием ядерного оружия из вооружений государств и уничтожением запасов этого оружия. В заявлении прозвучало сомнение в искренности стремления западных делегаций в подкомитете к достижению взаимоприемлемых договоренностей по разоружению⁵¹.

Западные страны, в свою очередь, представили в подкомитете 29 августа рабочий документ о частичных мероприятиях по разоружению, в котором особый акцент делался на мерах по предупреждению возможности внезапного нападения. Подчеркивалось, что все содержащиеся в нем положения, включавшие также приостановку ядерных испытаний на 12 месяцев и контроль над расщепляющимися материалами, являются «нераздельными»⁵².

Ы
Ц
И
Н
О
Р
А
Т
С
Н
С

На этом переговоры, собственно, и завершились. На последовавшей вскоре XII сессии Генассамблеи ООН Советский Союз вынужден был заявить, что все его усилия использовать подкомитет для продуктивной работы полностью исчерпаны и что он не будет в дальнейшем принимать участие в его работе, как и в работе Комиссии по разоружению, в их прежнем составе.

В ЧЕМ ПРИЧИНЫ НЕУДАЧИ ЛОНДОНСКОГО ПОДКОМИТЕТА?

Подведем некоторые итоги и попытаемся разобраться в том, почему начавшийся в подкомитете серьезный и заинтересованный диалог по мерам разоружения, в конце концов, закончился безрезультатно.

Вначале приведем весьма примечательную (правда, довольно обширную) цитату с оценкой произошедшего, к которой пришел американский исследователь Бернард Бечхофер:

«С точки зрения существа дела наиболее обескураживающей стороной переговоров было то обстоятельство, что Запад, начиная с июля 1957 г. и особенно на Генассамблее осенью того года, занял позицию, которая поставила под вопрос некоторые из наиболее фундаментальных основ переговоров. Так, в последнюю минуту Запад стал настаивать на нераздельности своих предложений.

Другим отходом Запада от прежних фундаментальных основ было включение в предложение от 29 августа положения, согласно которому Соединенные Штаты и Соединенное Королевство могли бы иметь право на передачу ядерного оружия своим союзникам⁵³. До выдвижения этого предложения переговоры развивались, исходя из той предпосылки, что как СССР, так и Запад были полны твердой решимости сделать все, чтобы предотвратить появление новых ядерных держав⁵⁴.

На этой философии базировался выдвинутый президентом Дуайтом Эйзенхауэром план *атомы для мира*, в отношении которого СССР и Запад уже достигли определенного согласия. Далее, на Генассамблее Дж. Ф. Даллес поставил под вопрос два основных принципа, которые были провозглашены президентом Гарри Трумэнem в 1949 г. и в последующем не отвергались. Даллес поставил под сомнение желательность дальнейших переговоров по контролю над вооружениями до тех пор, пока не улучшится международная обстановка. Но, начиная с 1949 г., западная позиция состояла в том, что любое соглашение по контролю над вооружениями само по себе улучшало бы международный климат, и поэтому переговоры по контролю над вооружениями должны проходить одновременно с осуществлением усилий по решению других неурегулированных политических проблем.

Еще более значительным обстоятельством было то, что Запад, настояв на одобрении Генассамблеей своих предложений от 29 августа 1957 г., вопреки возражениям Советского Союза, бросил тень на еще один фундаментальный принцип переговоров. Начиная с 1948 г., Запад признавал, что любые меры по контролю над вооружениями были бы бессмысленными, не будучи одобренными как Советским Союзом, так и основными западными державами. Поэтому Запад воздерживался от попыток добиться одобрения своих предложений ООН. Роковым последствием изменения западной позиции явилось то, что с этого момента СССР отказался рассматривать вопросы разоружения и контроля над вооружениями, кроме как в комиссии, состоящей из всех членов ООН (которая была бы слишком многочисленным органом для ведения переговоров), либо в таком органе, где число представителей советского блока равнялось бы числу представителей Запада»⁵⁵.

Несмотря на некоторые допущенные неточности, американский автор в целом дает достаточно трезвую оценку того, как и почему переговоры в Лондонском подкомитете кончились ничем.

Но все же в действительности, как и показало дальнейшее развитие событий, причины провала первой попытки добиться сдвига в решении вопросов разоружения лежали гораздо глубже.

Во второй половине 1950-х гг., после некоторого выравнивания стратегического соотношения между обеими ядерными державами начинался новый и еще более острый виток гонки ракетно-ядерных вооружений. Резко возросло число ядерных испытаний. Если в начале 1950-х гг. ядерными державами проводилось 10–20 испытаний в год, то в 1957 г. – 55, из которых 16 – СССР, а в 1958 г. и того больше – 116, из них Советским Союзом – 34. В то же время США проводили в Тихом океане мегатонные ядерные взрывы.

Очевидно, главное – это развернувшееся между США и СССР соревнование в создании межконтинентальных баллистических ракет и ракет для атомных подводных лодок. В самый критический момент лондонских переговоров – 27 августа 1957 г. – ТАСС опубликовал сообщение о проведении успешных испытаний межконтинентальной баллистической ракеты, а вскоре после этого – 4 октября последовал запуск первого искусственного спутника Земли.

Весьма показательно, что вскоре после этого – в конце октября 1957 г. в Вашингтоне состоялась встреча Дуайта Эйзенхауэра и британского премьер-министра Гарольда Макмиллана. В ходе этой встречи была высказана озабоченность по поводу ослабления политических и военных позиций Запада и содержался призыв к объединению усилий *свободного мира* под лидерством США и Великобритании. Комментируя результаты встречи, Дж. Ф. Даллес заявил на пресс-конференции 30 октября: «Мы должны постараться как можно больше приблизиться к концепции создания *общей обороны*...»⁵⁶.

В создавшейся обстановке переговоры о разоружении стали топтаться на месте. Правда, по некоторым вопросам ограничения вооружений встречи, консультации и переговоры продолжали иметь место, – в частности, о полном прекращении ядерных испытаний (1958–1962 гг.), о предотвращении внезапного нападения (1958 г.), но они оказались нерезультативными. Выдвигались и предложения о всеобщем и полном разоружении, а в 1961 г. между СССР и США даже было согласовано совместное заявление о принципах всеобщего и полного разоружения (Заявление Зорина–Макклоя).

Следующий этап продуктивного диалога по ограничению вооружений и разоружению начнется позднее – в 1960-х гг., в условиях достижения примерного стратегического баланса между двумя основными ядерными державами, уже на новой технологической основе. Тогда в 1963 г. будет заключен Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, в 1968 г. – Договор о нераспространении ядерного оружия, а в 1969 г. начнутся переговоры об ограничении стратегических наступательных и оборонительных вооружений. Но это уже будет другое время и другая эпоха.

Примечания

¹ Автор выражает признательность Н.В. Кочкину и Н.П. Щербининой за содействие, оказанное при подготовке настоящей работы.

² Резолюция ГА ООН 715 (VIII).

³ Moch Jules. U.R.S.S: Les yeux ouverts. P.: 1956. О посещении Ж. Моком Советского Союза см. также: Р.М. Тимербаев. Рассказы о былом. М.: РОССПЭН, 2007. С. 50–54.

⁴ Резолюция ГА ООН 808 (IX), 1954, 4 ноября.

⁵ Bernhard G. Bechhoeffer. Postwar Negotiations for Arms Control. Wash., D.C.: The Brookings Institution, 1961. P. 229 – 243.

⁶ Док. DC/SC.1/PV.18. С. 6.

⁷ Как показали дальнейшие переговоры, под нормой сокращения авторы меморандума понимали разницу между численностью вооруженных сил в конце 1953 г. и предельным уровнем, установленным для данного государства.

⁸ Док. DC/SC.1/10.

⁹ Bernhard G. Bechhoeffer. *Postwar Negotiations for Arms Control*. Wash., D.C.: The Brookings Institution, 1961. P. 228.

¹⁰ Протопопов Анатолий. Советский Союз в Организации Объединенных Наций. Из истории борьбы СССР за мир и независимость народов (1945–1957). М.: Госполитиздат, 1957. С. 60–61; Борьба Советского Союза за разоружение. 1946–1960 годы. Под ред. В.А. Зорина. М.: Изд-во Института международных отношений, 1961. С. 172–173.

¹¹ Архив Внешней Политики РФ (далее АВП РФ). Ф. ОМО, оп. 1а, п. 45, д. 194/111, л. 23.

¹² Док. A/2742.

¹³ Борьба Советского Союза за разоружение. 1946–1960 годы... С. 175.

¹⁴ Bernhard G. Bechhoeffer. Указ. соч. С. 234.

¹⁵ АВП РФ, там же, лл. 7–8.

¹⁶ Резолюция ГА ООН 808(IX), 1954, 4 ноября.

¹⁷ Bernhard G. Bechhoeffer. Указ. соч. С. 234–237.

¹⁸ О разоруженческом аппарате в администрации Эйзенхауэра см.: Bechhoeffer, P. 261–269.

¹⁹ В последующие годы референтура по разоружению, продолжая оставаться в ОМО, значительно расширилась, а в настоящее время в МИД РФ функционирует самостоятельный Департамент по вопросам безопасности и разоружения.

²⁰ Док. DC/SC.1/20, 1955, 29 марта.

²¹ Там же.

²² Док. DC/SC.1/26/Rev.2, 1955, 10 мая.

²³ Док. DC/SC.1/PV.47/ P. 56–57.

²⁴ Док. DC/SC.1/PV.48/ P. 12, 21, 23.

²⁵ Ф. ОМО, оп. 1а, п. 45, д. 194/111, л. 75.

²⁶ Цит. по: АВП РФ, Ф. ОМО, оп. 1. п. 43, д. 194\111, л. 100.

²⁷ Там же.

²⁸ Док. DC/SC.1/PV.53. P. 19.

²⁹ Док. DC/SC.1/PV.55. P. 26–27.

³⁰ *Известия*. 1955, 25 сентября. Копии послания были направлены премьер-министрам Великобритании А. Идену и Франции – Э. Форю.

³¹ Bernhard G. Bechhoeffer. Указ. соч. С. 314.

³² Док. DC/SC.1/41, 1956, 27 марта.

³³ *Известия*. 1956, 15 мая.

³⁴ Ядерные испытания в СССР. Под ред. В.Н. Михайлова. М., 1997. С. 147.

³⁵ *Bulletin of American Scientists*. 2006, July-August. P. 66.

³⁶ Док. DC/SC.1/42, 1956, 3 апреля.

³⁷ *New York Times*. 1956, April 5.

³⁸ АВП РФ, Ф. Представительство СССР при ООН, оп. 11, п. 64. д. 194/220, л. 20 и 28.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Только с американской делегацией состоялась 31 одна неофициальная встреча.

- ⁴¹ АВП РФ, Ф. ОМО, оп. 3, п. 52, д. 194/111, л. 2–3.
- ⁴² Док. DC/SC.1/55, 1957, 5 мая.
- ⁴³ Борьба Советского Союза за разоружение. 1946–1960 годы. Указ. соч. С. 226.
- ⁴⁴ Док. DC/SC.1/60. С. 135–136.
- ⁴⁵ Там же. С. 121–132.
- ⁴⁶ Там же. С. 132.
- ⁴⁷ Там же. С. 136–137.
- ⁴⁸ John Robinson Beal. John Foster Dulles. 1959, P. 324.
- ⁴⁹ Bechhoefer, P. 405–406.
- ⁵⁰ Док. DC/SC.1/Rev.1, 1957, 2 августа.
- ⁵¹ Док. DC/SC.1/65/Rev.1. *Известия*. 1957, 29 августа.
- ⁵² Док. DC/SC.1/66/Rev.1.
- ⁵³ Стало быть, уже тогда, в 1957 г., готовилась почва для выдвижения плана создания так называемых Многосторонних ядерных сил НАТО (МЯС), настойчивое продвижение которого Соединенными Штатами в 1960–1965 гг. на несколько лет задержало заключение Договора о нераспространении ядерного оружия. См.: Тимербаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение. М.: Наука, 1999. С. 209–225.
- ⁵⁴ Бернард Бечхофер, опубликовавший свое исследование в 1961 г., возможно, не был осведомлен о том, что СССР во второй половине 1950-х гг. активно помогал Китаю в создании ядерного оружия.
- ⁵⁵ Bernhard G. Bechhoeffer. Указ. соч. С. 434–435.
- ⁵⁶ Цит. по: АВП РФ, Ф. ОМО, оп. 3, п. 88, д. 194/111. том 2, л. 102.

ПРОГРАММА СТАЖИРОВОК ПИР-ЦЕНТРА ДЛЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ИЗ РОССИИ И ДРУГИХ СТРАН СНГ В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ПИР-Центр активно привлекает молодых талантливых специалистов из высших учебных заведений и исследовательских организаций России и других стран СНГ для реализации научного потенциала в рамках программы стажировок.

Ключевыми составляющими стажировки являются:

- подготовка научного доклада по одной из актуальных проблем международной безопасности;
- проведение встреч и интервью с научными сотрудниками и советниками ПИР-Центра, правительственными экспертами, представителями российских академических кругов по теме научной работы стажера;
- участие молодых специалистов в лекционных курсах, семинарах, конференциях, организуемых ПИР-Центром и другими ведущими московскими научно-исследовательскими организациями;
- информационно-аналитическая работа в рамках одного из действующих научных проектов.

Наиболее яркие и актуальные работы молодых специалистов находят отражение на страницах журнала *Индекс Безопасности*.

ПИР-Центр обеспечивает стажера компьютеризированным рабочим местом, постоянным доступом к интернету и информационным ресурсам ПИР-Центра, средствами на проезд от места проживания в Москву и обратно, ежемесячной стипендией.

*По всем вопросам, связанным с программой стажировок, следует обращаться к директору Образовательной программы Альберту **Зульхарнееву** по тел.: +7 (495) 987-1915 или по электронной почте zulkharneev@pircenter.org*

В 2002–2010 гг. в ПИР-Центре прошли стажировку аспиранты и студенты Академии ОБСЕ в Бишкеке, Университета мировой экономики и дипломатии при МИД Узбекистана (г. Ташкент), Волгоградского государственного университета, Воронежского государственного университета, Дальневосточного государственного технического университета, Института Дальнего Востока РАН, Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ, Нижегородского государственного университета, Новосибирского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного университета, Томского государственного университета, Тюменского государственного университета, Уральского государственного университета и др.